

Творцы и мыслители

А.А. Тахо-Годи

Алексей Федорович Лосев: жизнь, наследие, исход

...Самое главное — жить хочется, мыслить, чувствовать, творить вместе с людьми, с народом, создавать жизнь для себя и для других, жизнь хорошую, глубокую, веселую и богатую, жизнь и мысль — чистую, уходящую в таинственные глубины, но и ярко плещущую здесь, снаружи, красивую, духовно-сладкую, сильную!
А.Ф. Лосев. Из писем к В.М. Лосевой, ГУЛАГ, Медвежья гора, 14 сент. 1933 год

Недели за две до кончины Алексея Федоровича каждый раз, когда я входила утром на кухню, чтобы приготовить ему завтрак, я ощущала присутствие кого-то второго. Мне незримо представлялся некто, сидящий на табурете в изящно склоненной форме. Именно изящно — как на рублевской «Троице». Не осязаемое тело, а его бестелесная идея, как сказал бы Алексей Федорович. «Здесь никого нет», — произносила я вслух, как заклинание, чтобы себя успокоить. Но Оно было, причем только по утрам и почему-то на кухне, подальше от кабинета. Оно — пришло. Только не страшная смерть с косой, а благородный вестник сидел поутру на страже, охраняя от вторжения безобразной костлявой гостьи, приготовляя тихий, благой переход туда, где нет ни печали, ни воздыхания, а жизнь бесконечная.

Он ушел в ночь с 23 на 24 мая, дня почитаемых им с юности свв. Кирилла и Мефодия (в гимназии, где учился А.Ф. Лосев, была домовая церковь их памяти), просветителей славян, символизирующих единение философии и филологии. В момент его последнего вздоха черные деревянные часы, стоявшие на его столе, показали без четверти пять.

Когда обряжали, лик его был чист, легок и как-то удивительно жив. Не страшно и благоговейно. Отпели дома, как он и просил, по полному чину, с четырьмя батюшками — о. Владимиром Воробьевым, дед которого ехал вместе с Алексеем Федоровичем в лагерь, о. Валентином Асмусом, сыном давнего знакомого Лосева В.Ф. Асмуса, о. Геннадием Нефедовым, о. Аркадием Шатовым, наутро прибыл о. Александр Салтыков. Народ не помещался в доме, стоял в прихожей, на лестнице, в дверях дома. Пахло ладаном, хвоей, ландышами и сиренью. Всю ночь, сменяя друг друга, над ним читали псалтырь. С утра 25 мая за роялем «Бехштейн» из-под пальцев Михаила Гамаюнова, не переставая, лилась музыка — Вагнер, Бах, Бетховен, Моцарт, все, что любил Алексей Федорович. Похоронили его на Ваганьковском кладбище, после панихиды и слов прощаний над закрытой могилой вырос великий холм из венков, цветов и лент...

Алексей Федорович Лосев родился 23 сентября 1893 года в городе Новочеркасске Области Войска Донского. Свой день рождения он отмечал, но более почитал именины, день Ангела, который приходится на 18 октября, память митрополитов Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, святителей Московских и всея Руси чудотворцев. Его воспитанием занимались мать и дед. Отец, Федор Петрович Лосев, казак хутора Власово-Аютинский, надворный советник, преподаватель математики в гимназии, оставил семью, когда младенцу Алексею едва исполнилось три месяца. Талантливый музыкант, регент, дирижер, скрипач Федор Лосев не сумел поделить себя между семьей и музыкой. Очевидно, семейный уклад не сходил для него со свободным бытом музыканта, независимого от прочих уз, кроме уз искусства. Но, покинув семью, он оставил в сыновней душе великую любовь к благороднейшему искусству. И хотя Алексей Федорович любил драматический театр и с юности был завзятым театралом, музыка на всю жизнь осталась для него пространством бесконечного чувственного и интеллектуального познания. Взрослым человеком в повести «Трио Чайковского» устами одного из его героев Запольского он скажет: «<...> хотение быть Абсолютом, этот страстный порыв — найти в себе внутрибожественную жизнь и вкусить сладость божественной и вечной игры Абсолюта с самим собою, эту страсть и порыв и воплощает музыкальное искусство. Музыка — не субъективно, но — внутри божественно-субъективна. И

музыка — не изображение чувств, но — построение мира, насквозь осязаемого в чувстве. И музыка — не искусство времени, но — игра Абсолюта с самим собою, изнутри осязаемая человеческим субъектом, где даны истоки и концы всех возможных времен, в их капризной и причудливой пляске и взаимосмене, в их иррациональности, гениальности и красоте»¹. Видимо, многое было унаследовано Лосевым из беспокойной, страстной природы его отца, ибо дальнейшие слова Запольского звучат свободолюбивым призывом личности, стремящейся полностью отдаться беспредельной власти искусства: «И скорбна и весела трагическая судьба музыканта. В скорби весела она, и в веселии — скорбна! Безысходна душа музыканта и — беззаботна! Сладко жить и скитаться в море небытия. И сладко играть с вечностью. Надрывно! Беспечно! Опасно! Шаловливо!»² О какой размеренной семейной жизни можно говорить, если речь шла о выборе между ней и «игрой с вечностью»? Да и сам А.Ф. Лосев признается, что от отца перешел к нему «разгул и размах, его вечное искательство и наслаждение свободой мысли и бытовой несвязанностью ни с чем»³. Добавим сюда — страсть к музыке, скрипке, математике, театру (опере и драме), церковному пению, колокольному звону, артистизм, явленный в науке, в игре ума и мысли, в тончайших диалектических построениях философских категорий, в преподавании.

В отце, что вполне объяснимо стихийностью характера Федора Петровича, равно сосуществовали влечение к духовной, церковной музыке и упоение легкостью вальсов Штрауса, которыми он дирижировал в городском саду. Его, регента Войскового певческого хора, отмечали как «редкого знатока церковной музыки» и Церковного Устава. В мае 1887 года на концерте Войскового хора присутствовал император Александр III с супругой Марией Федоровной. Государь вручил в награду регенту Лосеву золотой перстень, украшенный бриллиантами и розами, что удостоверяет запись за № 556 в Кабинете его Императорского Величества от 9 марта 1888 года. Однако когда А.Ф. Лосев спросил, где находится сей исторический предмет, мать кратко ответила: «Вероятно, гуляющие девки у него украли».

Любил Федор Петрович музыку, но вместе с тем и вино, и женщин. Остается лишь добавить, что из материальных ценностей от отца сыну достались лишь сундук с нотами и дорогая итальянская скрипка, которую не замедлили украсть, а Алексею вручили другую, попроще. Встретиться

¹ Лосев А. «Я сослан в XX век...» Под ред. А.А. Тахо-Годи. В 2 т. Т. I. М., 2002. С. 126—127.

² Там же.

³ Лосев А.Ф. Из воспоминаний // Студенческий меридиан, 1990, № 5. С. 29.

Алексей Федорович Лосев после окончания университета. 1915

же им довелось всего раз, в 1916 году, в станице Константиновской, незадолго до смерти отца.

Мать Наталия Алексеевна, дочь настоятеля храма Михаила Архангела о. Алексея Полякова, скромная женщина, беззаветно любившая сына, передала ему строгие моральные принципы. В их числе — добродетели, о которых мы просим в Великий пост, творя молитву Ефрема Сирина: «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему». От деда, строгого протоиерея, крестившего его, передалась глубокая внутренняя связь с храмом и храмовым действием. Все эти качества впоследствии помогли заключенному Лосеву сохранить крепость духа в минуты самого глубокого отчаяния, когда душа его почти была готова взбунтоваться перед Создателем, протестуя против кошмаров и лишений ГУЛАГа.

Но это будет потом, а пока, в 1903 году, Алеша Лосев поступил в классическую гимназию Новочеркаска. Первые классы он плелся в хвосте, среди самых слабых учеников. Мать часто получала приписки преподавателей к учебным ведомостям о том, что сын слаб в науке оттого, что рассеян, разговаривает на уроках и приходит в гимназию, одетый не по форме.

Директор гимназии Ф.К. Фролов, преподаватель русского языка и литературы, был строг, но справедлив. Беспорядки при нем были немыслимы, бездельников он не терпел, способных замечал и отмечал. По его инициативе Алексей Лосев прочел свою первую лекцию о Руссо, которая затем легла в основу большой письменной работы. Ф.К. Фролов мог отправить гимназиста Лосева с занятий, заметив непорядок в форменной одежде, но радушно принимал у себя дома, глядя сквозь пальцы на юношеские вздыхания по дочери, Верочке Фроловой.

После четвертого класса (ныне — шестой класс средней школы) что-то вдруг случилось: Алеша проснулся однажды утром совсем другим человеком и набросился на теперь уже любимую им науку, как будто изголодался и истосковался по ней. Уже в старости Алексей Федорович признавался, что ждал тогда начала учебного года, как праздника.

Так же незаметно и вдруг (это «вдруг» будет и в дальнейшем сопровождать его всю жизнь) проснулась в нем и страсть к музыке. Ее скрипичные азы он начал постигать в школе итальянского педагога, лауреата музыкальной Флорентийской Академии им. Керубини Фридриха Ахиллесовича Стаджи, незаурядного педагога, скрипача-виртуоза. Обладая прекрасным тенором, итальянец Федерико Стаджи полагал было

променять скрипку на оперу, но простудился, заболел, потерял голос и вернулся к оставленному им инструменту. Среди выдающихся учеников Стаджи — знаменитый виртуоз Константин Думчев, чье имя красуется на мраморной доске Московской консерватории в выпуске 1902 года вместе с А.В. Неждановой, Петр Ильченко (выпуск Московской консерватории с Н.А. Обуховой и Н.С. Головановым) и многие другие. Алексей Лосев окончил его школу в 1911 году, одновременно с гимназическим курсом, исполнив на выпускном экзамене одно из сложных скрипичных произведений — «Чакону» Баха. Уровень теоретической подготовки в школе Стаджи был столь велик, что в дальнейшем позволил А. Лосеву помимо публикации ряда музыкальных статей выпустить в 1927 году книгу «Музыка как предмет логики» и общаться на высоком профессиональном уровне с такими выдающимися теоретиками и музыкантами, как Г.Г. Нейгауз, Н.Я. Мясковский, А.Б. Гольденвейзер, М.Ф. Гнесин, и многие другие.

В гимназии вся система обучения в годы директорства Ф.К. Фролова была превосходной. Учителя, по воспоминаниям Алексея Федоровича, были выдающимися педагогами и учеными, — «не чета нынешней профессорне», как позже говорил он. Особенно он ценил Н.П. Попова, учителя истории, ученика Ключевского, математика Д.М. Муравьева, учителя Закона Божия о. Василия Чернявского, который был старше самого Лосева всего на 11 лет. В то время юноша находился под большим влиянием И.А. Микша, чеха, преподавателя греческого и латинского языков, друга выдающегося ученого-античника Ф.Ф. Зелинского. Еще учеником старших классов Алексей читал Платона и Вл. Соловьева, которые были подарены ему И.А. Микшем и Ф.К. Фроловым. Платон дал направление всей жизни юноши — изучению мира идей, мира чистого Ума. Вл. Соловьев преподавал ему уроки цельного знания, которое стало основным методом творческой деятельности Лосева. Античность изначально стала дорога А.Ф. Лосеву как источник, корень, основа всей европейской культуры, и именно учитель Микш направил Лосева на стезю классической филологии. Он открыл ему возможность научной работы в годы, когда его ученику занятия философией были запрещены советской властью.

С гимназических лет филология и философия объединились у Алексея Лосева в одно целое. Увлечение астрономией и математикой только подогревало осмысление таких удивительных понятий, как «бесконечность», которая являлась юному Лосеву то в виде бездонного небесного свода, то в виде звездного неба, то какой-то «зо-

лотистой далью, может быть, слегка зеленоватой и золотисто-звонящей»⁴. Поэтому по окончании гимназии в 1911 г. с золотой медалью, он поступил на историко-филологический факультет Московского Императорского Университета и кончил его в 1915 году по двум отделениям — классической филологии и философии.

Перед войной 1914 г. Лосев ездил в Берлин для совершенствования в науках. Здесь он не чувствовал себя чужестранцем. Немецкий язык, немецкая культура были близки ему через Бетховена, Баха, философа Гуссерля, слава которого в те годы докатилась до России. Но Алексей Лосев прибыл в Берлин 9 июля нового стиля, а вернулся уже 1 августа. Его работу в Королевской библиотеке, слушание в Королевской опере тетралогии Вагнера, прогулки по городу прервало начало войны. Он уже насобирав нужных книг, устроился на приличной квартире, как получил от хозяина известие, что дипломатические отношения между Сербией и Австро-Венгрией прерваны и что Россия готова вмешаться. Алексей уложил в чемодан книги и рукописи, с которыми навсегда расстался на вокзале: какой-то «хулиганчик», как пишет Лосев, втащил драгоценный чемодан в вагон, и его через минуту не стало. Поиски ни к чему не привели. Только философия помогла сохранить присутствие духа. «Несчастье — вещь условная. Оно вполне зависит от нас, от нашей индивидуальности», — рассудил он.

Он едет на Дон, в станицу Каменскую. Там его со слезами встречает мать: телеграмма не дошла вовремя, и Наталия Алексеевна уже убеждена, что потеряла сына. В дневнике старшекурсник Лосев горестно пишет: «Голодный, раздетый, разбитый, без своих драгоценных и милых рукописей, забытый и прогнанный Берлином, никем не зовомый в Каменской» (17/VII — 1914, поезд Москва — Каменская), и далее: «Вот уже третий год приезжаю в Каменскую, усталый, оборванный, нервный, без любви, без удачи в науке».

Тем не менее кандидатская (дипломная) работа «О мироощущении Эсхила», которую Алексей готовил у проф. Н.И. Новосадского, известного филолога-классика, была блестяще защищена. Профессор Новосадский для Алексея Федоровича был вначале научным руководителем, а затем, как и другой его наставник, профессор-психолог Г.И. Челпанов, стал близким ему человеком. Трагедии Эсхила, мощные, беспощадные, полные символов и загадочных знаков, по стилю своему и по трактовке архаических мифов оказались глубоко близкими Алексею Лосеву, убежденному символисту и мифологу. С этой работой Лосев и

его друг Владимир Нилендер пришли к великому поэту-символисту и знатоку античности Вячеславу Иванову и попросили прочесть ее без всяких скидок. Вяч. Иванов прочел работу со всей серьезностью и строгостью, сделал много замечаний, но одобрил. По окончании университета Лосев был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

Звучало это, конечно, достойно, но по существовавшим тогда правилам оставленный при университете не получал со стороны государства ни малейшей материальной поддержки. Это приводило к тому, что будущие профессора должны были находить постороннюю работу, мешающую основной, чаще всего преподавание в школе. Стипендии были, но редкие, их получала только четверть оставленных, и то от частных лиц. Материальное положение Алексея Лосева было тяжелым, но с самых юных лет в нем был заложен талант учительства, и работа в гимназиях только приумножила способности к преподаванию и увлекла молодого человека.

Начиная со 2 сентября 1915 года он проработал год в гимназии А.Е. Флерова. Преподавал литературу и латинский язык. В этом классе у него учился сын Ю.И. Айхенвальда Борис, там же — Вальтер Филипп, сын крупного предпринимателя. Некоторое время Лосев был его домашним воспитателем по рекомендации своего товарища по университету Б.Л. Пастернака. Одновременно Алексей Федорович преподавал литературу и латинский — факультативно в женских гимназиях Е.П. Пичинской и А.Д. и А.С. Алферовых, у Хвостовой, Свенцицкой, — все они были расположены в арбатских переулках, поблизости от университета и Румянцевского музея.

На занятиях молодого учителя, по свидетельству его прежней ученицы Е.С. Порецкой, письмо от которой нашло А.Ф. Лосева 9 июля 1987 года на пороге ухода из жизни, в классе создавалась «особая духовная атмосфера». Свободное владение предметом, умение говорить об одной проблеме часами, а если потребуется — всего полчаса, выдавало в нем человека обширных и многосторонних знаний.

Одно из главных сочинений молодого А.Ф. Лосева, характерное для идеи цельного знания, называлось «Высший синтез как счастье и ведение». Высший синтез — это синтез религии, философии, науки, искусства и нравственности, т. е. всего, что образует духовную жизнь человека. Он отбрасывает все механистические односторонности, ведь Лосев — принципиальный диалектик, для которого вера и разум, знание и вера едины.

⁴ Лосев А.Ф. Из воспоминаний // Студенческий меридиан, 1990, № 5. С. 31.

Прижизненные и современные издания трудов А.Ф. Лосева

Первая печатная работа Лосева «Эрос у Платона» (1916) открывала путь к исследованию и Платона и неоплатонизма. Античная философия, однако, была немислима без математики и астрономии. С начала 20-х годов А.Ф. Лосев сближается с известными математиками, людьми православными, такими, как Н.М. Соловьев, С.П. Фиников, Д.Ф. Егоров, Н.Н. Лузин. Углубленным математическим штудиям способствовала и супруга Лосева, астроном Валентина Михайловна, ученица академика В.Г. Фесенкова и профессора Н.Д. Моисеева.

О жизни Алексея Федоровича и Валентины Михайловны Лосевой можно сказать словами Вячеслава Иванова: «Мы — две руки единого креста». Началось их знакомство, как всегда кажется, случайно. В мае 1917 года А.Ф. Лосев искал себе новую комнату. На Воздвиженке, рядом с Моховой, увидел билетик: сдается комната в квартире № 12. Он зашел, познакомился с семьей М.В. и Т.С. Соколовых и их дочерью Валентиной. Валентина Михайловна была моложе его на пять лет и училась на Высших курсах Герье на Малой Пироговке, потом в Московском университете, получив образование математика и астронома, специалиста по небесной механике. Она любила поэзию, но была очень разборчива: предпочитала Новалиса, Тютчева, Жуковского, Вяч. Иванова. В музыке любила более Баха, Бетховена, Вагнера, Скрябина, Чайковского. Все здесь было рядом: романтики, символизм — и бездны космоса. А в душе — глубокое переживание своего чувства к молодому постояльцу, который пока не проявлял особого отношения к дочери хозяев.

Лосев, как истинный философ, погруженный в дела глубоко ученые, не замечал, что происходит рядом, регулярно ездил на преподавание в Нижегородский университет (1919 — 1921 гг.), и писем из Нижнего на Воздвиженку не приходило. Но Валентина Михайловна, привыкшая иметь дело с небесными пространствами, сразу увидела, поняла и приняла свою судьбу, даже на тот случай, если пришлось бы остаться одинокой, с неразделенной любовью. Она написала Н.А. Бердяеву, лекции которого посещала, поставив в письме вопрос о неразделенной любви. Философ в своем ответе указал ей на ложность, обманчивость чувства, не благословленного Богом. Однако любовь эта Небесами все же была благословлена, и в Духов день 5 июня 1922 года в Сергиевом Посаде их обвенчал о. Павел Флоренский.

О любви Алексея и Валентины Лосевых можно говорить много. Валентина Михайловна, изящ-

ная, хрупкая женщина с железным характером, в трудные для ее душевного состояния времена поняла: «Вся задача моя душевная», «весь смысл жизни моей» — любовь к А.Ф. Лосеву. (Запись в дневнике 1 марта 1919 г., 3 часа ночи.) В 1918 году она увидела провидческий сон: мать Алексея Федоровича передает своего сына Валентине Михайловне. Ощущение материнства в отношении мужа началось задолго до брака и продолжалось всю жизнь. И ее дневник с 1921 года, то есть с возвращения профессора Лосева из Нижнего в Москву, замолк вплоть до года 1925-го; видимо, столь насыщена нездешним счастьем была совместная жизнь молодых Лосевых, что Валентина Михайловна оставила свои дневниковые раздумья.

А для А.Ф. Лосева в 1918—1921 гг. шла непрестанная работа над статьями «Философский комментарий к драмам Вагнера»⁵, «Русская философия», изданной по-немецки в Базеле в 1919 г., и «Философское мировоззрение Скрябина» одновременно. Две последние впервые напечатаны в 1990 г. в книге «Страсть к диалектике». С.Н. Булгаковым, Вяч. Ивановым и А.Ф. Лосевым была задумана, но не осуществлена серия книг по истории русской философии под названием «Духовная Русь». В этой серии участвовали также Е.Н. Трубецкой, С.Н. Дурьлин, Г.И. Чулков, С.А. Сидоров⁶.

Еще с 1911 г. Лосев посещал Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева, где и познакомился с выдающимися философами — Н.А. Бердяевым, Е.Н. Трубецким, С.Л. Франком, С.Н. Булгаковым, о. П. Флоренским. Здесь молодой человек выступил с докладом о «Пармениде» и «Тимее» Платона. В дальнейшем, когда общество было закрыто, он выступает с докладами в Вольной Академии Духовной Культуры, основанной Н.А. Бердяевым и закрытой в 1922 г., — таким, например, как «Греческая языческая онтология у Платона». В Психологическом обществе при Московском университете на последнем заседании 1921 г. под председательством И.А. Ильина Алексей Федорович выступил с докладом «Эйдос и идея у Платона». Этот доклад отражал огромную работу, проделанную Лосевым по терминологии этих платоновских кардинальных понятий. В Психологическом кружке имени Л.М. Лопатина он прочел доклад «Учение Аристотеля о трагическом мифе». Эти доклады легли в основу двух исследований, вошедших в дальнейшем в книгу А.Ф. Лосева «Очерки античного символизма и мифологии» (1930).

⁵ Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995.

⁶ Подробности об этом издании см.: Тахо-Годи Е., Троицкий В. «Духовная Русь» — неосуществленная религиозно-национально-философская серия // Вестник РХД, Париж — Нью-Йорк, № 176, 1997.

В 1919 г. Лосев был избран по конкурсу профессором классической филологии Нижегородского университета, в 1923 г. утверждён в звании профессора Государственным Ученым Советом в Москве. Подготовка к профессорскому званию оказалась необычной: ни диссертаций, ни вообще никаких занятий, поскольку историко-филологический факультет Московского университета закрыли в 1921 году. Но ни науку, ни школу Лосев не оставлял. Для заработка он преподавал в советской так называемой трудовой школе, где отменили звонки, регулярные уроки, экзамены, опросы, контрольные. Все это попало в список буржуазных предрассудков вместе с обязательными ранее для учителей крахмальными сорочками, воротничками, манжетами, запонками, шляпами и галстуками. В основном, по воспоминаниям А.Ф. Лосева, ездили куда-то за едой, — пшенной кашей и горохом в котелках, распределяя ее среди учителей и учеников, тут же ели и расходились по домам. Вот и все среднее образование.

В те же годы (1919—1920) А.Ф. Лосев работает над книгой «Античный космос и современная наука», которая вышла в 1927 г., где реализует единство разных подходов — филологического, философского, математического, астрономического, создающих цельное знание об античном универсуме. Музыкальные идеи воплощаются в серии докладов и очерков, которые в 1927 г. заново зазвучат в книге «Музыка как предмет логики». В 1928 г. выходит «Диалектика числа у Платона», отразившая философско-математические интересы автора. С 1927 по 1930 г. Лосев публикует первое «восьмикнижие», начатое «Философией имени» (1927) и завершённое «Диалектикой мифа» (1930), послужившей поводом для его ареста.

Таким образом, в 20-е годы молодым А.Ф. Лосевым разработаны все подходы, раскрывающие специфику античного мира, неповторимый тип античной культуры. И, что особенно важно, в его работах все упорнее подчеркивается выразительная направленность античной мысли, а это для А.Ф. Лосева означало ее эстетическую по природе сущность. Создаются и условия для исследовательской работы в этом плане: открываются научные учреждения, такие, как Российская Академия художественных наук, Государственный институт музыкальной науки (ГИМН).

А.Ф. Лосев много и плодотворно работал над эстетическими проблемами и в ГИМНе, и в академии, ставшей затем Государственной Академией художественных наук (ГАХН). Он был ее членом с 1923 по 1930 г., вплоть до ее закрытия. Он

председательствовал в Комиссии по форме при философском отделении (1924 — 1925), заведовал Комиссией по изучению эстетических учений философского отделения, был членом Комиссии по изучению художественной терминологии при философском отделении по 1928 год. В 1929 г. А.Ф. Лосева пригласили на должность ученого секретаря группы по изучению музыкальной эстетики. Вся дальнейшую научную жизнь Лосева будет спасать именно эстетика, — ее, на счастье Алексея Федоровича, невежественные идейные руководители и не думали объединить с философией, которой после ареста в 1930 году власти официально запретили ему заниматься.

Но была ли актуальна и нужна в те 20-е годы античность, с которой начал А.Ф. Лосев? Безусловно! Античность совершенно необходима, во времена, когда уничтожается фундамент культуры, а человек отрывается от его естественной почвы. В ней залегают корни современных жизненных основ и рождается древнейшая форма мышления — миф. Там же заложено учение об имени и числе. В такую эпоху одним только своим наличием античность оправдывает преемственность в истории культуры.

В докладах, прочитанных в секциях и на философском отделении, уже намечались темы, которые в дальнейшем привлекут к научной работе А.Ф. Лосева самое пристальное внимание. Среди этих тем были учение об эстетическом предмете у Плотина, Прокл и Гегель, учение о прекрасном в Древней Греции, учение Аристотеля о художественном воспитании, диалектическая структура символа, античная философия мифологии, учение Аристотеля о трагическом мифе, значение терминов *eidos* и *idea* в системе философии Плотина, система эстетических категорий, понятие и структура ритма, диалектика музыкального образа, музыка и математика и др.

С 1922 по 1929 г. А.Ф. Лосев — профессор Московской консерватории. Здесь он читал курс «Истории эстетических учений», который охватывал не только античность, но и новоевропейскую эстетику. Им подготовлена к печати рукопись «Принципы построения курса истории эстетических учений», которая тогда не увидела света⁷.

Книги А.Ф. Лосева, написанные до 1930 года, были теснейшим образом связаны с современностью. Он писал не просто об античном космосе, но и о достижениях современной науки, наиболее интересных, но самых опасных — теория относительности Эйнштейна, знаменитая формула Лоренца, математические теории о. П. Флоренского. Они (книги) печатались, но с выходом каждой из

⁷ Напечатана в кн.: Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995.

них, как вспоминал Алексей Федорович, от него отходили знакомые, не здоровались, будто не узнавая. Одна из таких «разрушающих» обличительных книг — «Философия Имени» — была написана летом 1923 года, в 1926-м вынужденно сокращена из-за цензуры, но все-таки вышла в 1927 г.

Русская философия в эмиграции восприняла выход лосевских книг как свидетельство великой жизни духа, еще живой даже в Советской России⁸. В Советском Союзе, однако, Лосев подвергается травле как «философ православия, апологет крепостничества, защитник полицейщины»⁹. Л.М. Каганович на XVI съезде ВКП(б) осудил Лосева как «наглешего классового врага» и «черносотенца», требуя его наказания. В разгар гонения советской власти на церковь в 1929 году супруги Лосевы приняли тайный монашеский постриг под именами Андроника и Афанасии (очевидно, в память о преп. Андронике и жене его Афанасии), совершенный афонским архимандритом, деятелем имяславского движения о. Давидом. Он, о. Ириней и другие братья были высланы с Афона за имяславское движение еще перед первой мировой войной и отлучены от службы. Потом суд Московской Синодальной конторы оправдал главных зачинщиков «мятежа» и разрешил служить в определенных московских приходах, а батюшка Давид стал духовным отцом и наставником Лосевых.

...Лосев был арестован 18 апреля, а его супруга — 5 июня 1930 года. Оба прошли путь от Лубянки и Бутырок до ГУЛАГа. Лосев — в лагерях на стройке Беломорско-Балтийского канала, супруга — в сибирских лагерях на Алтае. В дальнейшем оба соединились на стройке канала по ходатайству Е.П. Пешковой. В гонении на Лосева принял участие и М. Горький, видимо, спровоцированный ОГПУ. В статье «О борьбе с природой» он называет А.Ф. Лосева «безумным», «малограмотным». «<...> И, если дикие слова его кто-нибудь почувствует, как удар, — пишет Горький, — это удар не только сумасшедшего, но и слепого. Конечно, профессор не один таков, и наверное, он действовал языком среди людей подобных ему, таких же морально разрушенных злобой и ослепленных ею»¹⁰. Эту вырезку из «Правды» Алексей Федорович шлет Валентине Михайловне в Боровлянскую группу Сиблага из Важин в письме от 31 декабря 1931 года с припиской в постскриптуме: «Шлю тебе вырезку из “Правды” за 12 дек<абра> 1931 г. Полюбуйся! Эта же самая статья помещена

в “Известиях” за то же число»¹¹, не сопровождая статью более никакими комментариями».

Итак, профессор мало того, что идиот и малограмотен, но еще и «слеп». Да, верно, Лосев действительно начал слепнуть на стройке канала. После чтения этой злобой пышущей горьковской инвективы у властьпредержащих стал вопрос: «Что делать с Лосевым?» Не высылать же его за границу, как выслали сотни интеллигентов в 1922-м, — слишком роскошно! И «молодой хозяин, рабочий класс» (в статье Горького так названы новые хозяева России) в лице ОГПУ отправил Лосева в архипелаг ГУЛАГ. Но время все расставило по местам. В 1936 году не без содействия властей М. Горький расстался с жизнью, а профессор, которому великий пролетарский писатель грозил петлей, дожил до 95 лет, напечатал сотни трудов и при жизни был признан классиком философии XX века.

Тем временем, пока Лосева проклинали, предавали большевистской анафеме, он проходил предназначенный арестантский путь. 17 месяцев — во внутренней тюрьме на Лубянке, четыре с половиной — в одиночке. Последний допрос состоялся в январе 1931 года. После 12 марта 1931 года его перевели из одиночки в общую камеру. К слову сказать, «лосевское» дело повлекло за собой «разработку» и «опрос», в результате которых было арестовано несколько десятков человек. Следствие длилось, как мы видим, долго. Серьезность положения Лосевых усугублялась серьезностью дела об «Истинно-православной церкви», которую нагнетали в ОГПУ, — это же целая организация с десятками интеллигентов, духовных и светских лиц! Много позже, когда Лосев был уже освобожден, все еще разыскивали людей, связанных с делом «Истинно-православной церкви».

Приговор 33 «соучастникам» вынесли 3 сентября 1931 года. Лосева и еще четверых осудили на 10 лет лагерей. После его перевели в Бутырки на пересылку, где 20 сентября осужденному объявили решение суда. В.М. Лосева-Соколова получила 5 лет. Ей дали свидание с родителями, но запретили встречу с мужем. Впрочем, Господь, к Которому обращались Лосевы в самые тяжкие времена, позволил ей радость мимолетной — случайно увидеть из окна камеры! — заочной встречи с ним, а 24 сентября она сумела передать ему записочку. В ней слова: «И великая милость Божия к нам, что и мы за грехи наши идем в ссылку на этом свете». Книги же «страданием получают

⁸ См.: Франк С.Л. Новая русская философская система // Путь. Париж, 1928, январь, № 9. С. 89—90; Чижевский Д. Философские искания в Советской России // Современные записки. Париж, 1928, XXXVII. С. 510—520.

⁹ См.: Вестник Комкадемии, № 37—38. М., 1930; Гарбер Х. Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева. С. 124—144.

¹⁰ Правда, Известия. 12 декабря 1931.

¹¹ Лосев А.Ф. Жизнь. «Письма из лагеря» (1931—1933). СПб., 1993. С. 370.

силу». Неизвестно, откуда у заключенной оказались такие сведения с воли, но далее она сообщает, что книги Алексея Федоровича после ареста «страшно стали расходиться».

Письма Лосева к жене в период заключения — это особые страницы человеческой жизни, читать которые горько, больно, страшно. Вот выдержки из письма, начатого 6 марта 1932 года: «Нисколько не утешают слова о том, что все это заслужено или что это все-таки должно быть. <...> Да, заслужено, тысячу раз заслужено, и миллион раз так должно быть. Но разве избиваемому животному, которое тащит на гору воз, легче от того, что ему объясняют необходимость этого поднятия в гору? <...> Скажи, родная, можно ли оставаться нормальным человеком и сохранить ясную и безмятежную улыбку, когда вокруг себя постоянно и неизменно слышишь самую отвратительную ругань, когда эта сплошная и дикая матерщина доводит иной раз почти до истерики!» И, продолжая оборванную запись 9 марта: «<...> всего я лишен; и чистая злоба, нахальная и неприкрытая, обнаженный аффект слепого озлобления царит и кругом меня и, кажется, во мне». Но вера, истинные и вечные ценности все равно брали верх в этой страдающей и чистой душе, и письмо свое заканчивает Лосев так: «Привыкнуть к этому невозможно даже и в два года. Думаю, что это вообще для нас <с>тобой невозможно. Но так как иного выхода нет (иначе — ниспровержение всех основ христианства и даже религии вообще), то приходится привыкать к этому дуализму (“сущности” и “явления”. — А. Т.-Г.), тратя на него живые и самые ценные соки жизни в расцвете сил и творчества. Как ни возвышенно и прекрасно для нас живое творчество ума в человечестве <...> и какими интимными корнями ни связана с этим творчеством наша жизнь и наши души — принесем в жертву и это, уже последнее и ценнейшее, чему служили и чем были богаты, сотворим эту унылую и безрадостную жертву, ибо на безумие атеизма мы еще более не способны»¹².

Однако, как «все проходит», — «прошло и это», казавшееся бесконечным и непреодолимым время лагерного бытия. В 1933 г. Лосев вернулся в Москву, домой в квартиру № 12 дома 13 по Воздвиженке. Постановлением ЦИК от 4 августа 1933 года с Лосева снята судимость и он восстановлен в гражданских правах «за самоотверженную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала им. тов. Сталина» (19/IX—33 г. № 81. ОГПУ Главного Управления Лагерями).

Однако ЦК ВКП(б) наложило на Лосева запрет заниматься философией. Разрешена была только

античность — история мифологии и эстетики. Штатного места в вузах Москвы Лосев был лишен и ездил читать в провинцию — Куйбышев, Чебоксары, Полтаву. Занимался переводами труднейших античных авторов и философов эпохи Возрождения: Секст Эмпирик, Плотин, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Прокл, Николай Кузанский. В 1940 году Алексей Федорович задумал, раз ничего не удастся с изданиями трудов, хотя бы оформить докторскую степень. Пусть не философскую, куда там, а филологическую, и без защиты диссертации, а по докладу и отзывам о печатных и рукописных работах. Но не помогла ни сочувственная помощь главного авторитета, выдающегося литературоведа, академика Украинской АН, члена-корреспондента СССР А.И. Белецкого, который пытался устроить присуждение степени в Харьковском университете, ни прочие обстоятельства. Ничто не сложилось тогда в пользу А.Ф. Лосева. Основную часть ученого совета на докладе составили не филологи, а диаматчики с их ссылками на старый, 1929 года номер журнала «Под знаменем марксизма» с «разоблачениями» Лосева. Не отмежевался он в докладе от своих взглядов на античность, не объявил их грехами молодости. Дело провалилось. Харьков стал для философа «символом погибшей научной деятельности», хотя и «мелким звеном в бесплодном мучительстве целой жизни», — писал он жене в марте 1941 года.

В 1941 г. он пережил новую катастрофу: в ночь на 12 августа фугасная бомба уничтожила дом, где Лосев прожил почти 25 лет. Случайно в эту ночь находясь на даче, супруги Лосевы остались живы. И это — снова полное разорение, гибель близких, имущества, библиотеки, архива, работы по спасению уцелевших книг и бумаг, засыпанных в огромной воронке...

После этой потери можно было представить состояние Алексея Федоровича, когда в 1942 году его пригласили на штатную должность профессора философии в МГУ им. Ломоносова! Он проработал там по 1944 год, преподавал философию и логику. С 1943 г. он — доктор филологических наук *honoris causa* за труды 20-х годов, некогда осужденные.

В мае 1944-го Алексей Федорович изгнан из МГУ как идеалист и переведен в МГПИ им. Ленина на открывшееся классическое отделение. В этом пединституте он проработал в должности профессора до своей кончины 24 мая 1988 года.

В те сороковые годы, в конце войны, начался удивительный «дачный роман» Лосевых с Подмосковьем. Каждое лето они жили

¹² Лосев А.Ф. Жизнь. «Письма из лагеря» (1931—1933). С. 395.

*Валентина Михайловна Лосева. Начало 1930-х годов.
Фото сделано после возвращения из Белбалтлага*

где-нибудь на даче, снятой с огромными трудами. Два лета жили по Северной дороге в Заветах Ильича, потом была станция Правда — характерные названия. Лосевы рассказывали, что когда-то это место называлось Братовщина. Там были густые леса, дом, где летом жили родители Валентины Михайловны. Всегда в гостях молодежь, лодки, река, Валентина Михайловна любила грести. Пикники, чай за вечерним столом, неторопливые беседы...

«Роман» с Подмосковьем продолжался долго и был очень разным. Кратово помнилось войной. Там зимовали Лосевы, снимая дачу у актрисы Эммы Цесарской, сыгравшей впервые Аксицию в «Тихом Доне». На 42-м километре обитали П.С. Попов с супругой А.И. Толстой и сыном Льва Толстого — Сергеем Львовичем. Запомнились зимы в Подсолнечном (около Солнечногорска), где была целая дружественная компания: профессор А.М. Ладыженский с женой Натальей Дмитриевной, Н.П. Анциферов с Софьей Александровной, С.С. Скробков с женой Ольгой Леонидовной и дочерью Мариной. Жили в Звенигороде летом, где источник святой воды. Там жить соблазнил В.Н. Щелкачев, профессор-математик, ближайший к Лосеву еще с конца 20-х годов.

После смерти Валентины Михайловны было Домодедово, Елочки, у Н.И. Либана, известного историка русской литературы на филфаке МГУ, Загорянка, по Ярославской дороге, откуда выгнала нас сырость, расстилавшаяся туманом к закату солнца, несмотря на милых хозяев и клубнику, которой нас потчевали. Была соседняя Валентиновка, вся в кустах смородины и крыжовника, где головы наши были заняты «Историей античной эстетики», той, которая была когда-то в двух томах, погибла в бомбежку и теперь возрождалась под пером Лосева. Жили и в Малоярославце, но это — под конец нашего счастливого жития с Лосевыми. Хорошо было в Отдыхе, на лесном участке, где раскинулся двухэтажный дом с двумя верандами. Дача у А.Г. Спиркина — особый мир, где столько было продумано, написано, причем летом, когда нормальные люди отдыхают, едут в отпуск. А мы, видимо, ненормальные. Ждали лета, когда телефоны не мешают, люди не ходят, дела не отвлекают Алексея Федоровича.

...Лето 1972 года. Сидит Лосев под кленами. Рядом — то «свободный художник» Володя Бибахин, то самоуглубленный Саша Столяров, то Люся Науменко (моя ученица), чудаковатая умница, или аккуратная, строгая Надя Садыкова, задумчивый Юра Панасенко, кто свободен и готов приехать на дачу, поработать с Алексеем

Федоровичем, читать вслух, писать под диктовку (или спеть под гитару, как это умеет Тамара Теперик) или порассуждать на духовные темы, как это свойственно Лиде Горбуновой. Машинистки ждут рукописи, теперь самая главная — Лиля Тавровская, прелестная блондинка, ласковая, трогательно любящая Алексея Федоровича.

А философ Сережа Купцов и Саша Жавнерович из Белоруссии? Не зная точно, где находится дом Спиркина (дачный адрес посторонним не давали), все-таки добрались до Лосева ко дню его рождения 23 сентября 1983 года, да еще с огромной корзиной цветов, которую Саша, юный, светлый, поставил рядом с нашей старой качалкой, а сам на коленях припал к руке Алексея Федоровича. Стал Саша философом и священником. И так приходили неведомыми путями многие и многие. Вот так к концу жизни Алексея Федоровича собрались вокруг него новые друзья, «племя младое, незнакомое». Все — разные. Одно их объединяло — поиски смысла жизни, поиски высшей истины...

Как судорожно печален был последний день рождения 23 сентября 1987 года, там же, в Отдыхе. Кто только не перелезал через наш забор в разные времена. Нина Павлова, Олег Широков и Женя Терновский, Леонид Голованов, Арсений Гулыга, Григорий Калюжный. Забор высокий, калитку не открыть — с секретом. Как будто солидные люди — нет, молодые. Все к Лосеву и по делу, и поздравить, а то и свои стихи почитать. Главное — в праздничный день на даче — сбор самых близких, наших с Алексеем Федоровичем учеников и друзей. Во всю веранду устанавливают стол. По традиции Гасан Гусейнов и Юра Панасенко — два Аякса, с огромными арбузами; несут невиданных размеров яблочный пирог, лежат ароматные дыни, персики, груши — все по традиции пьют за здоровье. Еще до вечерних гостей режиссер Витя Косаковский со своими помощниками снимает аллею к дому, террасу, бедного Алексея Федоровича, который уединился в комнате, куда Оля Савельева несет чай, а я стараюсь оградить Алексея Федоровича от любящих посетителей. Нет, последний день рождения, как ни старалась наша молодежь, вышел грустный. Сохранились кадры этого последнего праздника, видеть их не могу...

Но все это только будет, а пока, в течение всех 30-х и 40-х годов, Алексей Федорович работал чрезвычайно интенсивно, несмотря на постигшие его катастрофы: арест, лагерь, уничтожение дома, провал с присуждением докторской, изгнание из МГУ, травлю, устроенную в

МГПИ. Лосева долго не печатали, а когда печатание стало возможно, то удивлялись, как он мог столько подготовить. Они не знали, что такое работать, как Лосев, трудившийся ночью и днем. Чиновники от науки не могли вынести такого творческого порыва от человека, сосланного на кафедру МГПИ, многожды битого и неразбитого. Только Н.А. Тимофеева, ставшая со временем заведующей кафедрой, мучила А.Ф. Лосева выбрасываниями из статей ссылок на иностранных ученых, обвинениями в космополитизме, ликвидировала весь справочный материал с упреками, что ученые, указанные в нем, — буржуазные, требовала ссылок на классиков марксизма, а к «Эстетической терминологии» сочиняла предисловие с прославлением Сталина и Жданова. При этом для рецензий руководством кафедры находились, как правило, лица, не имеющие понятия об историческом развитии мифологии, не компетентные, либо компетентные, но четко знающие, что качеством философских работ является использование классиков марксизма и количество цитат из Маркса и Сталина. «Старые басни буржуазно-идеалистической науки», «непонимание сущности древней демократии», «беспочвенный характер», «не научный анализ, а домыслы» — вот неполный перечень эпитетов, которыми характеризуют конъюнктурщики 50-х лосевское «Введение в античную мифологию». Оказывается, автор вообще философски неграмотен — смешивает мифологию и язык, «извращенно толкует марксистские положения о единстве языка и мышления»!

Кто не перенес в те страшные годы позорного давления, издевательства над совестью, волей и душой человека, над научной истиной, тот никогда не поймет, каких мук стоило печатание первых после 23-летнего молчания трех его книг в «Ученых записках» МГПИ им. Ленина или таджикском Сталинабаде!

В 1953 году ушла из жизни Валентина Михайловна. Болезнь проявилась на исходе лета того же года внезапно и прогрессировала катастрофически. В последние дни ее терзали адские боли, морфий не помогал. 29 января ее не стало.

Книги Лосева стали обильно выходить после 1956 года. Но до конца «застойного периода», да и после него не обходилось без традиционных преткновений. Основание то же — пробелы в идейно-политической позиции автора. В конце 70-х редакции издательства «Мысль» пришла идея издать небольшую книжечку «Вл. Соловьев» из серии «Мыслители прошлого». Появление этой маленькой книжечки в 1983 г. аукнулось и А.Ф. Лосеву, и всем будущим его издателям.

Комитет по печати пытался ее уничтожить и в итоге сослал на окраины страны. После всех перипетий с этим небольшим, но оказавшимся весьма «политически вредным» сочинением, в годы, когда книги философа Лосева уже нельзя было не издать, задержать их издание оставалось вполне возможным. Посвященный Лосеву юбилейный том «Античная культура и современная наука» вышел только в 1985 году, а издательство «Искусство» по затягиванию сроков обошло всех — седьмой том Истории Античной Эстетики (ИАЭ) «Последние века», сданный мною в 1980 году, выходит в 1988 году, а восьмой, переданный уже после ухода Лосева, увидел свет в 1992 (1-я книга) и 1994 (2-я книга) годах. Вот как надо выполнять указания, даже «когда начальство ушло!» Впрочем, в 1994 году эта маленькая книжечка была вновь издана без купюр, после кончины Лосева увидел свет его большой труд «Вл. Соловьев и его время» (1990).

К 90-летию юбилею Алексея Федоровича в Тбилиси вышел сборник «А.Ф. Лосеву — 90 лет», в котором его поздравляют не только ученые, но и наборщики типографии. В огромной аудитории МГУ, откуда он был когда-то изгнан, Лосев произносит речь «Двенадцать тезисов об античной культуре», за которую ему восторженно аплодируют, в зале сверкают вспышки фотоаппаратов. В эти юбилейные дни почитатели осаждают квартиру, несут цветы, подарки, ученик его, Сергей Аверинцев, преклоняет колено и целует руку учителю. В Мюнхене к юбилею, впервые после 1927 года, выходит «Диалектика художественной формы». Незадолго до юбилея на одном из собраний Союза писателей предлагается принять его в члены союза. Теперь Алексей Федорович Лосев — «крупнейший философ, литератор, личность», а его труды по теории символа, Ренессансу — «духовная культура». Имя его «может лишь украсить» Союз писателей — пишет член-корр[еспондент] Академии наук СССР, профессор МГУ, теоретик литературы П.А. Николаев.

В списке трудов А.Ф. Лосева более 800 наименований, из них более 40 монографий. Сохранился большой архив — источник публикации новых материалов. В последние годы жизни Лосев много печатался в журнале «Студенческий меридиан», выступал с лекциями для молодежи, возглавлял в Научном совете по культуре при Президиуме АН СССР Античную комиссию, был членом Бюро Совета, членом редакционного совета издательства «Искусство», ответственным редактором и автором статей при издании Сочинений

нений Платона (изд. «Мысль»)¹³, активным участником пятитомной «Философской энциклопедии» (1960—1970), энциклопедии «Мифы народов мира». Труд жизни Лосева «История античной эстетики» в 8 томах и 10 книгах печатался с 1963 по 1994 г., в 1986 году первые шесть томов были удостоены Государственной премии. В 1993—1999 гг. изд. «Мысль» выпустило собрание сочинений Лосева, где перепечатано «восьмикнижие» 20-х годов и впервые опубликованы обширные архивные материалы, печатание которых продолжается.

Алексея Федоровича Лосева принято считать энциклопедистом, типом ученого, редкостного для науки XX в. с крайней дифференцированностью разных ее областей. Лосев в равной мере философ, филолог, эстетик, логик, мифолог, богослов, теоретик символических форм, художественных стилей, музыки, математики и т. д. Однако его энциклопедизм отнюдь не механистичен, а ограничен и коренится в понятиях «всеединства», известного еще у античных философов и выдвинутого в России Вл. Соловьевым, «высшего синтеза» и «целостности предмета», понятого как организм.

Мир для Лосева не только прекрасное тело, космос. Для Лосева мир — универсум, единораздельная целостность, которая характеризуется взаимозависимостью всех составляющих и которую можно исследовать решительно во всех смыслах и формах, математических, символических, словесных, временных, музыкальных, то есть в соотношении числа и времени. И наконец, изучить мифологически, ибо чудом и мифом является весь мир (см. «Диалектика мифа»).

Широта исследовательского диапазона Лосева опирается на универсальное познание мира. Учение о целостном организме любой отдельной вещи вплоть до космической целостности, не исключающей изучение отдельных фактов и явлений, то, что Лосев называл генологией, — связано со всем его творчеством. Отсюда — отрицание противопоставления идеализма и материализма и вообще отрицание им этих «заношенных терминов с неясным содержанием». Изучение единого-раздельного целостного организма происходит не антиномически, но диалектически. Диалектика Лосева основана на единстве идеи и материи, духа и материи. Идея одухотворяет материю, материя создает плоть идеи, т.е. овеществляет дух.

«Диалектическое саморазвитие единого живого телесного духа и есть последняя известная мне реальность»¹⁴, — пишет Лосев.

В книгах 1920-х — начала 1930-х годов А.Ф. Лосев строит свою оригинальную философскую систему, выдвигая такие кардинальные категории (логические и вместе с тем жизненные), как, например, одно, единое, сущность, эйдос, миф, символ, личность, имя, самое само, число и многое другое, и находит их истоки в античности. Поэтому всякий, кто хотел бы внимательно ознакомиться с целостной картиной лосевского видения мира с позиций философа XX века, должен обратиться не только к так называемому «восьмикнижию» первой четверти века, но и к его позднему «восьмикнижию», к «Истории античной эстетики», тем самым соединив начала и концы в творчестве последнего представителя русской философско-религиозной мысли.

Сам А.Ф. Лосев однажды написал в письме к В.М. Лосевой (из лагеря в лагерь 22/1-32 г.): «Имя, число, миф — стихия нашей с тобой жизни».

Лосев как религиозный философ раскрывается наиболее полно в своей «Философии имени», где опирается на учение о сущности Божества и энергиях, носителях Его сущности. Это — доктрина христианского энергетизма, сформулированная в XIV в. Св. Григорием Паламой. Сущность Божества, как и положено в духе апофатизма, непознаваема, но сообщима через свои энергии. Доктрина нашла свое выражение в православно-философском религиозном движении имяславия, идеи которого глубоко понимали и развивали в 1910-х — начале 1920-х годов о. П. Флоренский, о. С. Булгаков, В.Ф. Эрн, профессор-богослов Д.М. Муретов, религиозный деятель и публицист М.А. Новоселов, известные математики Д.Ф. Егоров, Н.Н. Лузин, Н.М. Соловьев и многие другие. А.Ф. Лосеву принадлежит серия докладов о почитании Имени Божьего в плане историческом (сравним богословские споры IV в. и современное состояние вопроса) и философско-аналитическом¹⁵. Так появляется статья «Ономатодоксия» (греческое название имяславия), предназначенная для печати в Германии¹⁶.

Любое имя, а не только Имя Божие понимается Лосевым не формально, как набор звуков, но онтологически, т.е. бытийственно. Однако открыто признаться в своих ареопагитских,

¹³ Второе издание полного собрания соч. Платона под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи со статьями и комментариями тех же авторов вышло в 1990—1994 гг.

¹⁴ «История эстетических учений» в кн.: Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. С. 343.

¹⁵ Тезисы напечатаны в кн.: Лосев А.Ф. Имя. СПб., 1997; а также в кн.: Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., 1999 (с поправками). Среди них тезисы об Имени Божьем, направленные А.Ф. Лосевым о. П. Флоренскому.

¹⁶ Сохранился немецкий текст этой статьи. Ее перевод см. в «Вопросах философии». 1993, № 9. С. 52—60; в кн.: Лосев А.Ф. Имя; в кн.: Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., 1999.

паламитских и имяславских истоках ученый не мог, он ссылаясь лишь на некие старые системы, давно забытые. Можно с полной уверенностью сказать, что идеи «Философии имени» и сейчас современны и имеют много общего с его поздними лингвистическими работами 1950—1980-х годов. В «Философии имени» Лосев философски-диалектически обосновал слово и имя как орудие живого социального общения, далекое от чисто психологических и физиологических процессов. В «Истории русской философии» Н.О. Лосский особенно высоко оценил идеи Лосева. Он писал о «Философии имени»: «Если бы нашлись лингвисты, способные понять его философию языка <...> они могли бы натолкнуться на совершенно новые проблемы и дать новые плодотворные объяснения многих явлений жизни языка». Н.О. Лосский писал о наличии «целой философской системы» в «Философии имени» и о том, что Лосев открыл существенную черту мирового бытия», которую не замечают «материалисты, позитивисты и другие представители упрощенных миропониманий»¹⁷.

Слово у Лосева всегда выражает сущность вещи, неотделимую от этой последней¹⁸. Назвать вещь, дать ей имя, выделить ее из потока смутных явлений, преодолеть хаотическую текучесть жизни — значит сделать мир осмысленным. Поэтому весь мир, вселенная есть не что иное, как имена и слова разных степеней напряженности. Поэтому «имя есть жизнь»¹⁹. Без слова и имени человек «антисоциален, необщителен, не собран, не индивидуален»²⁰. «Именем и словами создан и держится мир. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы. Имя победило мир»²¹.

В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» (Париж, 1950), во многом опирающийся на «Философию имени», поражаюсь «мощи дарования» Лосева, «тонкости анализа», «силе интуитивного созерцания». Он подчеркивал в философии Лосева «живую интуицию всеединства», символизм, близость к «христианской рецепции платонизма». Лосевское «учение о Боге» нигде не подменяется учением об идеальном кос-

мосе, «решительно отделено от отождествления» этого космоса с Абсолютом (вопреки концепции софиологов с их космосом как живым целым)²².

Лосев — творец философии мифа, тесным образом связанной с его учением об имени. Ведь «миф» по-гречески и есть «слово максимально обобщающее». Автор понимает миф не как выдумку и фантазию, не как перенос метафорической поэзии, аллегория или условность сказочного вымысла, а как «жизненно ощущаемую и творимую вещественную реальность и телесность»²³. Миф — это «энергичное самоутверждение личности», «образ личности», «лик личности»²⁴, это есть «в словах данная личностная история»²⁵. В мире, где царствует миф, живая личность и живое слово как выраженное сознание личности, — все полно чудес, воспринимаемых как реальный факт, тогда миф есть не что иное, как «развернутое магическое имя»²⁶, обладающее также магической силой.

Миф как жизненная реальность специфичен не только для глубокой древности. В современном мире очень часто происходит мифологизация, по сути дела обожествление идей, выдвигаемых в политических целях, что особенно было характерно для страны, строившей светлое будущее и бесклассовое общество. Обожествляется, например, идея материи (вне материализма нет философии), идея построения социализма в одной стране, находящейся во вражеском окружении, идея обострения классовой борьбы и мн. др. Воплощенная в слове, идея обретает жизнь, действует как живое существо, т. е. становится мифом и начинает двигать массами и, собственно говоря, заставляет целое общество (не подозревающее об этом) жить по законам мифотворчества. Мифологизация бытия ведет к извращению нормального восприятия личного и общественного сознания, экономики, науки, философии, искусства, всех сфер жизни.

А.Ф. Лосев сознательно заострил в тексте книги выброшенные потом цензурой опасные идеологические места²⁷. И не раскаивался. Он писал из лагеря жене: «В те годы я стихийно рос как философ, и трудно было (да и нужно ли?) держать себя в обручах советской цензуры». «Я задыхался

¹⁷ Лосский Н.О. История русской философии. М., 1994. С. 313.

¹⁸ «Вещь и имя», см. в кн.: Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. (Наименование книги дано издателями).

¹⁹ «Философия имени». Там же. С. 617.

²⁰ Там же. С. 642.

²¹ Там же. С. 746.

²² Зеньковский В.В. История русской философии. 2 изд. Т. II. Париж, 1989. С. 378.

²³ «Диалектика мифа», см. в кн.: Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 14; а также: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001 (самое полное издание).

²⁴ Там же. С. 99.

²⁵ Там же. С. 151.

²⁶ Там же. С. 196.

²⁷ В издании 2001 г. эти места специально выделены.

Алексей Федорович Лосев. 1983

от невозможности выразиться и высказаться». «Я знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветавшую индивидуальность для философа и писателя преодолевает всякие соображения об опасности» (22/III—32 г.)²⁸.

Для опасений тем не менее были основания. «Диалектика мифа» была разрешена цензурой, возможно, лишь потому, что политредактором Главлита был поэт-баснописец Басов-Верхоянцев, который дал неожиданный отзыв об этой опасной книге. В заключении отмечалась чуждость автора марксизму, он определялся как «идеалист», не в бытовом, а философском значении, приводились примеры из его «философского трактата», а затем следовала парадоксальная резолюция: «Разве только в интересах собирания и сбережения оттенков философской мысли, может быть, и можно было напечатать эту работу, столь не материалистически и не диалектически построенную». Как видно, поэт взял верх над цензором. В докладе Л.М. Кагановича, который приводил примеры

из этого «контрреволюционного» и «мракобесовского» сочинения, прозвучало и предложение об «оттенках», что вызвало резкие возгласы с места: «Где выпущено? Чье издание?» Возмущенный драматург Вл. Киршон воскликнул: «За такие оттенки надо ставить к стенке» и — накликал собственный расстрел.

Но дело было сделано. Запрещенная книга все-таки вышла²⁹, и ее не только продавали, — а книготорговцы действовали в своих интересах очень оперативно, — она попала в Ленинскую библиотеку, где ее, например, читал в научном зале и от руки переписывал философ Н.Н. Русов в военный 1942 год³⁰. Американский же философ-славист Дж. Клайн купил эту книгу в Мюнхене в 1969 году³¹. После передачи мне архива философа в 1995 году злосчастная рукопись «Диалектика мифа» со штампом Главлита и разрешением печатать вернулась с Лубянки в «Дом Лосева».

Наука о числах, математика, «любимейшая из наук» (письмо к жене 11/III—32 г.), связана для А.Ф. Лосева с астрономией и музыкой. Он разрабатывал ряд математических проблем, особенно анализ бесконечно малых, теорию множества, теории комплексного переменного, занимался пространствами разного типа, общаясь с великими математиками Ф.Д. Егоровым и Н.Н. Лузиным, близкими ему мировоззренчески, религиозно-философски. Сохранился большой труд Лосева «Диалектические основы математики» с предисловием В.М. Лосевой. В 1936 году у них еще были наивные надежды на ее публикацию³². Для Алексея Федоровича и его супруги существовала общая наука, которая есть и астрономия, и философия, и математика. Вместе с тем «математика и музыкальная стихия» для него также едины (письмо от 25/II—32 г.), ибо музыка основана на соотношении числа и времени, не существует без них, есть выражение чистого времени. В музыкальной форме существуют три важнейших слоя — число, время, выражение времени, а сама музыка — «чисто алогически выраженная предметность жизни числа»³³. «Музыка и математика — одно и то же» в смысле идеальной сферы³⁴. Отсюда следует вывод о тождестве математического анализа и музыки в смысле их

²⁸ «Диалектика мифа» не только переиздана с 1990 г. несколько раз, в 1994 г. вышла на немецком языке в изд. Мейнер, выпускающем философскую классику. В 1998 г. книга вышла на испанском языке (перевод М. Кузьминой-Куэллер), в 2000 г. — на венгерском, в 2003 г. — на английском (изд. Routledge), на болгарском, сербском.

²⁹ Уже после разрешения цензора В.М. Лосева с отчаянной смелостью в самом Главлите, якобы сверяя авторский и главлитовский экземпляры, вставила (да еще с помощью, видимо, ничего не подозревающей сотрудницы Главлита) крамольные тексты.

³⁰ Письма Н.Н. Русова А.Ф. Лосеву от 21/V—42 г., 1/VIII—42 г.

³¹ Начала, 1994, № 2—4.

³² Напечатано впервые вместе с другими логико-математическими работами в кн.: Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997, и в кн.: Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., 1999 (окончание работы).

³³ «Музыка как предмет логики», см. в кн.: Лосев А.Ф. Форма. Суть. Выражение. М., 1993. С. 512.

³⁴ Там же. С. 483.

предметности. И в музыке происходит прирост бесконечно малых «изменений», «непрерывная смысловая текучесть», «беспокойство как длительное равновесие — становление»³⁵.

Лосев рассматривал соотношение музыки и учения о множествах. И там и здесь многое мыслит себя как одно. И там и здесь — учение о числе, где единичности, составляющие его, мыслятся не в своей отдельности, но как нечто целое, так как множество есть эйдос, понимаемый как «подвижной покой»³⁶. Однако между музыкой и математикой есть и решительное различие. Музыка живет выразительными формами, она есть «выразительное символическое конструирование числа в сознании»³⁷. Математика логически говорит о числе, музыка говорит о нем выразительно³⁸.

И наконец, замечательное сочинение А.Ф. Лосева под названием «Самое само», которое написано в ясной форме, с интересными и подробными — их любил Лосев — историческими экскурсами. «Самое само» никогда не печаталось при жизни философа, сохранилась рукопись, чудом уцелевшая в огне после катастрофы 1941 г. Здесь учение А.Ф. Лосева о вещи, бытии, сущности, смысле, который коренится в глубинах эйдоса. Здесь заключены зерна лосевского представления о всеединстве и целостности, где каждая отдельная часть несет в себе сущность целого, создавая живой организм, а отнюдь не механическое соединение частей. Этот организм и есть та общность, сердцевинной которой является «самость», «самое само». «Кто знает сущность, самое само вещей, тот знает все»³⁹, — пишет Лосев.

По Лосеву, мир заряжен идеями, чреват смыслом. Однако всякая идея должна проявить себя. Она должна быть максимально выражена вовне, т. е. тем самым стать выразительной, а значит, эстетичной. Эстетическое есть не что иное, как выразительное. Причем выразительное может быть и прекрасным и безобразным, и трагическим и комическим, т.е. рассматриваться во всех эстетических категориях. Философия и эстетика для Лосева одно и то же. Мир познается не только в понятиях, логически, но в максимальной выраженности его идей, т. е. эстетически. Поэтому слово научное и слово художественное не противоречат друг другу. Отсюда художественность научных его трудов, в которых логика понятий как бы «отелесена», облечена в плоть, зрима в слове по типу античной идеи.

Алексей Федорович Лосев. 1986

Отсюда — рождение монументальной «Истории античной эстетики», нового, второго «восьмикнижия» А.Ф. Лосева, которое он задумал в конце 1930-х годов и готовил в 40-е и 50-е годы (I том вышел в 1963 г.).

«История античной эстетики» распределяется по томам следующим образом. «Ранняя классика» (том I, 1963 г.), посвященная Гомеру и натурфилософам (древние пифагорейцы, Анаксагор, элейцы и милетцы, Гераклит, Демокрит, Эмпедокл, Диоген Аполлонийский); «Сократ, софисты, Платон» (том II, 1969 г.); «Высокая классика» (Платон, том III, 1974 г.); «Аристотель и поздняя классика» (том IV, 1975 г.); «Ранний эллинизм» (стоики, эпикурейцы, скептики, том V, 1979 г.); «Поздний эллинизм» (неопифагорейцы, Филон Александрийский, Плотин, том VI, 1980 г.); «Последние века» (том VII, 1988 г.), книга 1 — Порфирий, Ямвлих, Салюстий, Юлиан; книга 2 — до Прокла, Прокл, Дамаский и его ученики); «Итоги тысячелетнего развития» (том VIII, книга 1, 1992 г.), Александрийский и восточный раннехристиан-

³⁵ «Музыка как предмет логики», см. в кн.: Лосев А.Ф. Форма. Суть. Выражение. С. 493—495.

³⁶ Там же. С. 496.

³⁷ Там же. С. 498.

³⁸ Там же. С. 499.

³⁹ Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. С. 300.

ский неоплатонизм: неоплатоники латинского Запада, эпоха синкретизма — халдаизм, герметизм, гностицизм; общая характеристика истории античной эстетики; философия, эстетика, мифология, общая эстетическая терминология — в историческом развитии. Наконец, книга 2 VIII тома посвящена специально эстетической терминологии (ее тысячелетней эволюции).

Какие же принципы были положены в основу изучения Лосевым античной эстетики, если принять во внимание, что он мыслил как нечто единое эстетику, философию и мифологию⁴⁰. Ведь для античного человека, выросшего на телесных интуициях, самым прекрасным было живое материальное тело космоса с вечным, размеренным движением небесных светил над неподвижной землей. Но живое космическое тело есть не что иное, как очеловечивание природы, то есть оно мифологично. И вся выразительность, вся красота этого живого космоса заключается в геометрически-астрономических пропорциях, в музыкальной настроенности, рождающейся при вращении небесных сфер. Высшая красота для античного человека, погруженного в телесную стихию бытия, где даже боги обладают эфирным телом, обязательно космологична, а, значит, космос есть предмет эстетического созерцания. Философия же как наука о космосе (натурфилософия) и о человеке (антропология) как частице этого космического целого обязательно говорит о наивысшей выразительности этих космических сил, будь то огонь, вода, воздух, земля и эфир у ранних философов-досократиков, атомы Демокрита, или Ум Анаксагора, мир идей Платона, или Ум-перводвигатель Аристотеля. Выразительность, по мнению А.Ф. Лосева, есть слияние внутренне-идеального и внешне-материального в одну самостоятельную предметность.

Несмотря на то что вся «История античной эстетики» поделена на отдельные периоды и заключена в рамки, предназначенные для каждого из них, у читателя остается впечатление теснейшей взаимосвязи этих томов, их взаимной обусловленности. Развертываемая историческая картина не имеет механически установленных границ. Ощущаются переходы, внешне как будто незаметные сцепления, связи, неравномерность движения жизни, рождающей противоречия, столкновения, конфликты, социальные и личные. Тончайшая взаимозависимость всех звеньев одной цепи приводит к воздействию одного из них

на дальнейшие. Самое, казалось бы, незаметное явление в одном звене отзывается на последующих, что-то подготавливает, что-то знаменует, обретая в дальнейшем свою полноту и предназначение. Эта внутренняя взаимосвязь всех сторон культуры в потоке времени создает в конечном итоге определенного рода целостность, которая по праву может считаться неким своеобразным универсумом.

Эстетика как наука о выражении представлена у Лосева средствами также необычайно выразительными, можно сказать, даже художественными. Самые сложные проблемы диалектики рисуются им в духе драматической игры. Одной из самых важных интуиций античности философ считает именно игру, причем игру театральную, драматическую⁴¹. Жизнь как игра — это понятие проходит через всю античность. Космический драматург создает из вселенной прекрасно налаженный инструмент, где каждая душа отличается своим музыкальным тоном (т. VI). Для Прокла вселенская душа сравнима с трагическим поэтом, создающим драму и ответственным за игру актеров (т. VII, кн. 2).

Разнородность текстов античных философов не является препятствием для А.Ф. Лосева. Здесь, с одной стороны, были тысячи стоических фрагментов, но вместе с тем и большая поэма Лукреция с изложением учения Эпикура, и скептики с достаточно значительным корпусом Секста Эмпирика. Вся эта разнородность материала не помешала автору нарисовать внушительную картину трех выдающихся школ раннего эллинизма (т. V).

Лосев исследует эстетику стоиков как учение об изреченном слове, воплотившем идеальные замыслы судьбы, управляющей миром и формирующей по своей воле космическую и человеческую жизнь. Строжайший логический анализ смысловой сущности стоического «лектон»⁴² приводит к пониманию эстетической предметности стоиков, к антропоцентрической последовательности их эстетического космополитизма и к аллегорической эстетике.

Здесь и эпикурейцы с их ориентацией на незаинтересованное чистое наслаждение, моделью для которого служат вечно прекрасные божественные сущности, не причастные сфере мира и его законам. Здесь и скептики с их вечной усмешкой и погруженностью в созерцание иррациональной текучести вещей. Последовательный

⁴⁰ См.: Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. VIII. Кн. I. Ч. 5. С. 402—413.

⁴¹ См. на эту тему статью А.А. Тахо-Годи «Жизнь как сценическая игра в представлении древних греков» / Искусство слова. М., 1973.

⁴² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. V. С. 99—137.

логик и систематик, мастер отвлеченной чистой мысли, А.Ф. Лосев отбрасывает всякое абстрактное представление о философско-эстетических и жизненных категориях Плотина, решительно выходя за пределы традиционных изложений. Он размышляет об эстетике предустановленной гармонии, как упорядоченной, так и вполне хаотической; всеобщая жизнь рисуется как театральная постановка; война оказывается отцом всех вещей (вспомним Гераклита!); комизм пронизывает мировые катастрофы, онтологическое дерзание, необходимость и свобода, хаос и космос неразрывны друг с другом.

В т. VII «Истории античной эстетики», «Последние века», также прослеживается глубочайшее единство строгой логики и эстетического чувства. Так, учение Прокла о едином, генология, обнимающая собою все многообразие космической и человеческой жизни, создающее единый образ прекрасного, расчленяется А.Ф. Лосевым на 12 типов⁴³, диалектическая триада — на восемь типов⁴⁴. Изучение этих диалектических переходов в системе эстетически целостного и иерархически упорядоченного универсума дает огромный материал для раздумий при исследовании становления и развития эстетических категорий в отточенной мысли поздних философов-неоплатоников.

Важное значение приобретают в «Истории античной эстетики» переходы от одной эпохи к другой. Это особенно подчеркивается автором, который любил повторять, что непременных эпох не бывает. Исторические введения, заключения, резюме, экскурсы обязательны в каждом томе «восьмикнижия», но здесь эти переходы происходят в пределах античной культуры, в то время как в т. VIII, кн. 1 уже намечается переход, хотя формально и в рамках античности, но по существу уже в другой, христианский мир. Это не только переход от афинского неоплатонизма к александрийскому, повторяющий переход от Платона к Аристотелю, но и зарождение в недрах неоплатонизма нового христианского самочувствия, как, например, в сочинениях Синезия, где уже ставится тринитарная проблема.

Историческая специфика переходных эпох и особенно тех, что свидетельствуют о надвигающейся гибели античного мира, особенно удается автору «Истории античной эстетики». Так, драматические страницы посвящены личности императора Юлиана Отступника (школа Пергамского

неоплатонизма). Личность Юлиана вырисовывается не только в безвыходной раздвоенности между язычеством и христианством, но и как показатель его эстетического мировоззрения⁴⁵.

При изучении истории античной эстетики совершенно необходимым и естественным оказался терминологический принцип. Предметный указатель, помещенный во второй книге последнего тома, демонстрирует неохватный терминологический материал, вводимый А.Ф. Лосевым в свое исследование. Особенно обширен здесь Платон. Но, конечно, замечательны в этом отношении обе книги т. VIII «Итоги тысячелетнего развития». В них рассматриваются в диахроническом плане важнейшие философско-эстетические категории, развивавшиеся в системе слова-термина на протяжении тысячелетия античной культуры, от Гомера до Прокла по всем школам.

Еще в 1920-х годах А.Ф. Лосевым были выработаны идеи мифа, символа, числа, имени, античного соматизма, скульптурного эйдоса, но зрелость опыта развивала, углубляла, обогащала их и, что особенно важно, делала их все более и более доступными для читателя. Стиль автора приобретал ту ясность, которая дается после продумывания мельчайших деталей и выливается в конце концов в точные, логически отшлифованные формулы, столь любимые А.Ф. Лосевым.

«История античной эстетики» — это не только «вещь в себе» или «для себя», это «вещь для других». Это не просто ученое изложение материала, но страстная речь, обращенная к единомышленникам и противникам, это убедительные доказательства в духе математических теорий, это непреложная аксиоматика, а иногда неторопливое, почти эпическое размышление, и всегда — диалог, имеющий в виду заинтересованного человека, кого-то другого, читающего и думающего.

Иной раз в научный текст сочинений Лосева вплетаются личные мотивы, явно биографические и даже интимные, их особенно много в «Диалектике мифа». Иногда автор произносит монолог, переходящий в автохарактеристику, принципиально важную для понимания его философской позиции, утверждающей свою самобытность: «Я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком... К сожалению, могу сказать только одно: я — Лосев»⁴⁶.

⁴³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. VII. Кн. 2. С. 115—131.

⁴⁴ Там же. С. 132—143.

⁴⁵ Там же. Т. VII. Кн. 1. С. 389—408.

⁴⁶ Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. С. 356.

Аза Алибековна Тахо-Годи и Алексей Федорович Лосев. 1977

Лосев является автором и художественной прозы, которую начал писать, находясь в лагере, но уже вольнонаемным. Из его письма жене (30/VI—32 г.) мы узнаем, что душа его не может мириться с тьмой и хаосом лагерного жития и его охватывает «неимоверная потребность писать беллетристику в стиле Гофмана, Эдгара По, Уэллса» (Гофман так и остался одним из любимых авторов Лосева). Он стал разрабатывать ряд сюжетов «кошмарного содержания», чувствуя «наплыв каких-то густых и сочных художественных образов». Так возник первый рассказ «Театрал». Он написан в гофмановском стиле, пародировал социальную утопию и был завершен в ноябре 1932 года.

Вернувшись из лагеря, Лосев спрятал свою острую художественную прозу в письменный стол и никогда о ней не вспоминал. Найдена она была после кончины автора. Было очевидно, что, не имея возможности печатать философские труды, он решил выразить свои заветные мысли в философских художественных произведениях. Можно провести ряд параллелей между книгами Лосева 1920-х годов и его прозой, только она еще более выразительна, политически остра и ядовита. Если бы она была случайно обнаружена,

ее автора несомненно снова ожидал бы лагерь. Однако эти крамольные тетради мирно пролежали в столе десятки лет и были обнародованы только в начале 90-х годов. В эстетическом, т. е. выразительном плане, особенно интересны роман «Женщина-мыслитель» (1934)⁴⁷, повести, рассказы (1932—1933, 1942), стихи (1941—1942) и переписка из лагеря в лагерь⁴⁸. Полное собрание прозы и стихов в двух томах «Я сослан в XX век...» (2002).

Художественные произведения Лосева построены на основе коммуникативности, выраженной в острой диалогической форме, идущей еще от платоновской традиции. Более того, беседы за скудным пайковым чаем («Встреча») или изысканным ужином в помещицьем доме («Трио Чайковского»), а то и в шикарном ресторане («Женщина-мыслитель») или в номере гостиницы («Метеор») — это настоящие застольные или пиршественные беседы, жанр, известный у Платона, Плутарха, Атенея и других поздних античных авторов. Беседа ведется заинтересованно, горячо, переходит часто в яростный спор, в ироническую и даже ехидную перебранку («Встреча»). Иной раз собеседники условливаются обсудить назревшую проблему, и каждый, на манер участников

⁴⁷ См.: Москва. 1993, № 4—8.

⁴⁸ См.: Лосев А. Ф. Жизнь. СПб., 1993.

платоновского «Пира», выступает с монологами, умно и логически изоцированно построенными, вызывающими бурные споры и доходящими до абсурдных выводов («Встреча», «Из разговоров на Беломорстрое»). Монологи героев часто имеют исповедальный, автобиографический характер: «Я многие годы провел в заточении, гонении, удушении; и я, быть может, так и умру, никем не признанный... Я когда-то убивался и изнывал...» («Жизнь»).

Так же, как в диалогах Платона, участники повестей и рассказов Лосева ищут истину. Они выясняют, что такое судьба, жизнь, любовь, родина, жертва, абсолют, личность, наука, философия, знание, музыка, диктатура пролетариата, партия большевиков, социализм, техника, культура, прогресс — весь круг проклятых вопросов, которые ставит человек, «сосланный в XX век». Герой, он же автор, «ходит в народ» к некоему Панкратычу, вопрошает, не хуже Сократа, различных собеседников. Но бывает и так, что нет ответа. Остается только раздраженно воскликнуть и плюнуть: «тьфу» («Жизнь»). Перед глазами читателя разыгрывается настоящее драматическое представление, где каждый — актер на жизненных подмостках. Как тут не вспомнить роль театральной игры в античной философии, которую демонстрирует Лосев в последнем томе своей «Истории античной эстетики». Герой создает небывалые мифы об Абсолюте, управляющем миром, о великом артисте, великой любви («Трио Чайковского», «Женщина-мыслитель», «Метеор») — сравните с романтическим «музыкальным мифом» в книге «Музыка как предмет логики» (1927), мифом о социализме в «Диалектике мифа», мифом о стихиях в «Античном космосе и современной науке» (1927).

Трагическое и комическое сопутствуют друг другу и в ученых трудах Лосева, и в его прозе. Сложнейшее плетение текста «Философии имени» прерывается пародией на жанр похвалы (энкомия) — ироническим гимном материи. Похвала революции с риторикой, переходящей в пародирование сталинской речи, замечательно представлена в страстном монологе марксиста Абрамова («Из разговоров на Беломорстрое»): «Вылезайте все. Если надо умереть, умирайте все! Верьте в чудо истории, вас воскрешающее». В «Театрале» сон героя достигает остроты патетической пародии. Поиски счастливой жизни косноязычным мещанином в косоворотке и кепке оборачиваются царством хохочущих обезьян, господствующих над миром во главе с универсально-мировым орангутангом, издевающимся над всеми сферами бытия, небесного, земного и преисподней. Как

не вспомнить Платона, который устами Сократа («Пир» 223 d) утверждал, что «один и тот же человек должен уметь сочинить и комедию и трагедию» и что «искусный трагический поэт является также и поэтом комическим».

Все творчество Лосева, и научное и художественное, глубоко символично, мифологично и вместе с тем реалистично, ибо, как известно, символ и миф для него наивысшая реальность, в которой и запечатлелся не только лик жизни, но и лик личности самого автора.

Алексея Федоровича Лосева много издают, переиздают, изучают. Все это пришло после его кончины. Как будто спохватились, опомнились. Стало правилом хорошего тона ссылаться на его труды. Как только теперь не именуют Лосева! Я уже не говорю о великом гении, последнем классическом философе, последнем русском философе, последнем философе Серебряного века. Есть гораздо более выразительное: скованный Прометей, мудрец и провидец, православный философ эпохи ленинизма, последний из могикан, служитель чистого ума, великий узник, краугольный кирпич русской философии, философ трагической свободы, русский словомудр, великий сын Дона, источник мысли, одинокий мастер et cetera, et cetera. Если разобраться, в итоге вырисовывается интересный портрет, и надо сказать, правильный. Пытаются разгадать «феномен Лосева», «загадку Лосева», «тайну Лосева». Цитируют афоризмы Лосева, как, например, «верую, потому что максимально разумно». И предел популярности — Лосев попал в кроссворд. В сборнике «Кроссворды» № 8 за 1989 год составитель задает вопрос: «Кто сказал: “Если человек знает очень много и ничего больше — это страшный человек?”»

Все выше мною приведенное не столько серьезно, сколько трогательно. Но если вдуматься, Лосева никто по-настоящему не изучал. Есть отдельные прекрасные статьи. Книги пока нет ни одной. Нет, видимо, придется оставить пока эту благородную и трудную задачу — помочь книгам Лосева приблизиться к читателю, приоткрыть их тайны, разгадать их символы и мифы. Передадим ее новым поколениям XXI века, не столь отягощенным проклятым прошлым пролетарской диктатуры, что оставила ощутимые рубцы в умах и сердцах наших современников. Надо пережить и забыть это прошлое, чтобы непредвзято, с чистыми руками и чистыми мыслями приняться за наследство Лосева.

Философ Имени, Алексей Федорович Лосев не может быть предан забвению, ибо Имя — есть Жизнь. Жизнь — вечна, а значит, вечна и Память о ней.